

Константинова Алина

# Посмотри на меня

18+

**Алина Константинова**  
**Посмотри на меня**  
Серия «Без гарантий», книга 2

*<https://litres.ru/74074124>*

*SelfPub; 2026*

**Аннотация**

Она всегда была тенью. Тихая, незаметная, привыкшая, что её не замечают. В университете она смотрела на того, кто никогда не посмотрит на неё. Дома — слушала, как отец смотрит новости и молчит. В мире, где всё решают деньги, связи и громкие голоса, она научилась не просить, не жаловаться и не надеяться.

Но однажды она поняла: быть невидимой — это не судьба, а выбор. И она сделала другой.

Это роман о том, как тихая девочка перестаёт быть пустым местом. О том, как трудно научиться дышать, когда рядом рушится мир. О том, как найти опору в себе, когда больше не на что опереться.

«Посмотри на меня» — история о Маше, которая перестаёт быть тенью и становится собой.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 14 |

# Алина Константинова

## Посмотри на меня

### Глава 1

#### ГЛАВА 1

Раньше, ещё год назад, она не могла пройти мимо бездомного котёнка. Теперь — проходит. Даже не замедляя шага. Утром соседка, что живёт этажом ниже и стирает и пылесосит в неположенное время, попыталась её остановить:

— Марья, там кошка совсем худая, может возьмишь к себе?

Маша ответила, глядя не на соседку, а на дверь лифта, который никак не приходил:

— Она справится. Я — уже нет.

Соседка больше не заговаривала. И правильно. Слова — как патроны в обойме: если их мало, промахиваться нельзя.

У неё больше не было сил даже на ту малую долю сочувствия, которую она раньше отдавала кошкам, нищим, коллегам в трудную минуту. Жалеть котёнка означало бы признать, что она всё ещё способна чувствовать. А чувствовать — значит бояться. Бояться, что тот, кого ты любишь, не вер-

нётся. А он не вернулся.

Если он, такой сильный, такой правильный, погиб — то какой смысл заботиться о крошечной бездомной кошке? Мир несправедлив, добро не вознаграждается, а если и вознаграждается, то посмертно — чем, кстати, не подарок? Животное выживет или умрёт — какая разница? Все мы, в сущности, бездомные кошки, только одни мяукают громче.

Люди струились мимо по тротуару, точно тихая вода в осенней канаве — серая, безликая, не помнящая ни начала, ни конца. Шорох шин, обрывки чужих голосов, случайные взгляды, которые падают на тебя и тут же умирают, не оставив и следа. Она — вместе с ними, как часть этого потока.

Департамент встретил её выцветшим светом. Стены, столы, лица — всё одного оттенка. Кабинет на третьем этаже, третья парта слева, стопка бумаг, которая каждое утро ждала её. И её собственная тень — она падала на одно и то же пятно на линолеуме. В этом однообразии происходило медленное ярусение её личности — она чувствовала, как будто становится прозрачной, как будто её сущность растворяется в серости будней.

Общение шло по отработанному алгоритму: реплики-заглушки, кивки-подтверждения. Кто-то демонстративно отхлёбывал кофе — как будто сам процесс должен был засвидетельствовать вовлечённость. Кто-то запустил тему про погоду: не ради прогноза, а чтобы заполнить паузу. Ещё один участник синхронно кивал, когда упоминали сериал, хотя не

видел ни серии.

Маша села на своё место — не поздоровавшись. Она не любила лишних слов и телесных прикосновений, старалась ограничиваться молчаливым присутствием.

В ней не было женственности, но была хрупкость, словно готовая треснуть. Её глаза были серо-зелёными, с мелкими тёмными вкраплениями. Не яркие, не выразительные, но странно внимательные. Нос с лёгкой горбинкой. На подбородке — ямочка, почти детская, которая появлялась, когда она сжимала губы. Русые волосы какие-то стёртые, сероватые. Она не красила их, не укладывала, почти не расчёсывала — хватит и того, что стянуты в низкий пучок или небрежный хвост. Она могла бы быть красивой, если бы захотела, но её красота оставалась в плену самоотчуждения.

Раньше она кивала, улыбалась, спрашивала «как дела», хотя ответы были известны заранее. Теперь просто садилась. И это молчание казалось ей единственной честной формой общения.

Лена, вечная оптимистка, первой нарушила тишину.

— Маш, слышала? Со следующего месяца зарплату поднимают.

Маша перелистнула страницу отчёта, не поднимая головы. Отчёт был по объекту, который она проверяла уже трижды, и каждый раз находила одну и ту же ошибку, которую никто не исправлял.

— Деньги не делают счастливым, — сказала она тем ров-

ным, почти отсутствующим голосом, каким говорят о вещах, которые знаешь наизусть. — А только помогают несчастным выжить. Но у меня уже нет желания выживать.

Лена поперхнулась кофе. Кто-то из угла хмыкнул — то ли одобрительно, то ли просто воздух застрял в горле. Маша не обратила внимания. Она уже выключила звук.

«Ну и хорошо», — подумала она, в который раз проверяя ту самую ошибку. Ошибка никуда не делась, и это почему-то успокаивало.

Коллеги за соседним столом оживлённо обсуждали новость — государственным служащим поднимали зарплату на тринадцать процентов. Кто-то уже прикидывал, на сколько буханок хлеба больше, кто-то мечтал о новой сумке. Маша не слушала. Она смотрела на свои пальцы, которые бегали по клавиатуре, и думала: «Всё равно мало».

И это было единственной оценкой, которую она готова была вынести.

День обещал быть таким же бессмысленным, как и предыдущий. И он не обманул ожиданий. Отчёты, звонки, подписи. Маша работала быстро, почти механически, как заводной механизм, у которого села пружина, но он всё ещё движется по инерции. Пальцы бегали по клавиатуре, подпись ложилась чётко, без помарок — за время работы она научилась подписывать не глядя, так же как научилась не замечать того, что происходит вокруг. К часу она сдала две проверки, которые другие делали три дня. Начальник, принимая пап-

ку, крикнул и ничего не сказал — привык. Она просто делала и уходила.

В столовой пахло пережаренным маслом — запахом, который, казалось, въелся в стены ещё с советских времён и не собирался выветриваться, сколько ни проветривай. Лена, Игорь, ещё пара коллег — всё те же лица, те же голоса, одни и те же темы. Лена жаловалась на свекровь. Игорь ковырял вилкой рис и рассказывал про соседей сверху: опять залили, теперь на кухне плесень, жена не знает, чем вывести. Никто особенно не слушал, но все кивали — так тут принято.

— У меня свекровь на прошлой неделе юбилей отпраздновала, — щебетала Лена, нарезая котлету на мелкие кусочки, будто боялась, что та убежит. — Семьдесят лет, представляешь? Сорок гостей, ресторан, танцы до утра.

— А у нас ремонт, — вздохнул Игорь, ковыряя вилкой рис. — Второй месяц. Соседи сверху залили, теперь стены переделывай. Уже и обои выбрали, и люстру купили, а всё равно не то.

— Ой, это ерунда, — отмахнулась Надежда Петровна. — Вот у меня у сестры с детьми проблемы. Старший в школу пошёл — учительница жалуется каждый день. Говорит, неуправляемый.

— Дети — это не ремонт, — заметил Игорь. — Стены переделать можно, а ребёнка — не переделаешь.

— Точно, — вздохнула Лена. Помолчала, потом повернулась к Маше, которая всё это время молча перекладывала

еду с места на место, не поднося вилку ко рту:

— А ты, Маш, как? Что в личной жизни? Вы не сошлись вновь с Вячеславом?

Маша подняла голову. Не сразу — так просыпается уличная кошка, которая всю ночь бродила по пустым улицам и теперь, застигнутая утренним светом, не знает, радоваться ли ей или снова закрыть глаза, чтобы ничего не видеть.

— Мой бывший решил, что жизнь слишком скучна без риска быть убитым, — сказала она, глядя в окно, где серое небо сливалось с серыми крышами. — Не могу сказать, что я его не понимаю.

Лена перестала жевать на секунду. Игорь поднял голову, но тут же опустил — не его проблема. Кто-то из угла хмыкнул, но тут же притворился, что кашляет.

— Мы не знали, что он погиб... — начала Лена, и голос её сорвался на ту ноту, которую Маша ненавидела больше всего, — сочувствие.

Маша встала. Её лицо ничего не выражало — ни боли, ни гнева, ни даже усталости, которая стала её вторым «я».

— Теперь знаете, — сказала она.

— Мне жаль, — тихо произнесла Лена. — Упокой, Господи, его душу...

— Бог взял отпуск. Или уволился по собственному желанию. Не уточняла.

На секунду в столовой повисла тишина, которая бывает после неудачной шутки, когда никто не знает, смеяться или

сделать вид, что не расслышал. Потом Игорь фыркнул. Лена прикрыла рот ладонью, но плечи её тряслись — нервно, безудержно, как у человека, который слишком долго сдерживался. Даже Надежда Петровна, обычно хранившая невозмутимость, не выдержала — уголки её губ дёрнулись, и она, покачивая головой, уткнулась в телефон с видом человека, который случайно увидел нечто неприличное. Смех был недолгим, почти истеричным, но он разрядил воздух. Лена покачала головой.

— Ну ты даёшь, — выдохнула она.

Маша взяла поднос и направилась к стойке, не улыбнувшись, не обернувшись. Но внутри, где-то глубоко, под слоем той самой пустоты, шевельнулось что-то похожее на удовлетворение. «Всё, что нас не убивает, даёт нам болезненное чувство юмора», — подумала она.

Рабочий день дотянул до вечера. Отчёты, звонки, подписи сменились привычной тишиной пустого кабинета, в которой каждый звук — скрип половицы, гул лампы, далёкий лифт — казался громче, чем положено. Маша не спешила. Она сидела за своим столом, смотрела на экран, где чертежи чужого проекта складывались в правильные, но безжизненные линии, и думала о том, что сегодня она ни разу не подумала о Вячеславе. Целых восемь часов — если не считать той короткой минуты в столовой.

\*\*\*

Танцевальный зал — просторная комната с зеркалами и станком. Маша переделась. в центр вышла преподавательница. Молодая, лет двадцати пяти, с тёмными волосами, стянутыми в тугий узел. Облегающий топ открывал руки, на которых при каждом движении перекачивались мышцы — не рельеф культуристки, а та сухая, динамичная сила, которая бывает у танцовщиц High Heels. Музыка ударила с первого такта — не мелодия, а плотный, как удар сердца, ритм. Преподавательница двигалась так, будто вела диалог с залом: резкий выпад, поворот головы — и её глаза сверкнули в зеркале. Она не улыбалась. Её лицо было сосредоточенным, почти злым, но это была не злость — страсть, которую она высекала из воздуха.

Маша пришла на танцы почти год назад — тогда её тело жило своей жизнью, отдельно от неё: напряжённое, неловкое, будто она всё ещё ждала разрешения занять место в пространстве. Теперь тело слушалось. Не только потому, что она стала гибче или сильнее — просто исчез страх показаться смешной. Она перестала оглядываться на других, перестала проверять, правильно ли выглядит в зеркале. Движения стали её собственными: резкими, упрямыми, почти злыми, как у преподавательницы.

Уверенность пришла незаметно. Не как озарение, а как привычка — однажды она поймала себя на том, что ждёт занятий не как приговора, а как забвения — потому что только

в этом размеренном, почти гипнотическом повторе всё прочее теряло очертания и смысл.

В танце можно было выплеснуть всё — дать волю тому, что копилось в подполье души: и нерастраченный, почти злой потенциал, и тёмную сторону. А их, этих сторон, у неё прибавилось. Злость на Вячеслава — что ушёл воевать (как будто именно этого ей и не хватало для окончательного отчаяния), что погиб (хотя мог бы и не уходить), что она ему отказала (и тут же возненавидела себя за этот отказ). Злость на себя — самую трудную, от которой не отделяются одним танцем.

И ещё — какая-то новая жестокость, которая раньше не просыпалась. Маша не выставляла её напоказ, но и не прятала под подушку. Просто позволила себе быть неудобной — такой, какой никогда не была. И, как ни странно, именно в этом чувствовала себя впервые у себя дома.

Она вернулась домой уставшая — до дрожи в ногах, до приятного жжения в мышцах. Эта усталость была почти счастьем. Потому что, когда тело требует только одного — лечь и не двигаться. Физическая усталость — это такое счастье, которое не нужно ни с кем делить.

Мать уже спала, телевизор работал на минимальной громкости.

Маша тоже легла, закрыла глаза. Тело гудело, под веками мельтешили обрывки танцевальных движений. Хорошая усталость. Спокойная. Она заметила: чем меньше она хоте-

ла, тем легче становилось дышать.

Сон подкрался быстро, но перед тем, как провалиться в темноту, она поймала себя на мысли: «Отсутствие желаний — это же нирвана. Выходит, я почти буддистка».

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.